

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Столяровой Изабеллы Феликсовны
«**«Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева**»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 5.5.1- История и теория политики

Тема диссертационного исследования И.Ф. Столяровой весьма актуальна. Ее общее направление лежит в русле магистральной тенденции анализа интеллектуальной и политической истории России, которая связана с консервативной традицией русской мысли. Разным вариантам отечественного консерватизма в настоящее время посвящается основная масса наиболее интересных исследований, обсуждение которых привлекает главное общественное внимание, тогда как идеи и учения революционного типа вместе с «солидной материалистической традицией», которая мыслилась основой основ «главных направлений русской общественной мысли», ушли на дальнюю периферию. Сегодня нельзя не признать, что восстановление суверенной целостности предметного поля русской мысли за счет включения в ее состав источниковедения, историографии и методологии анализа отечественной консервативной традиции выводит современную российскую научную литературу на лидирующие мировые позиции в сравнении с работами дореволюционных, эмигрантских, а также западных авторов. Состоялось и продолжается введение в научный оборот ранее не публиковавшихся, в том числе архивных материалов по истории отечественного консерватизма, в советское время отнесенных к разряду табуированных источников, носителей наибольшего потенциального и актуального вреда для догматизированной марксистской версии истории русской мысли.

Очевидно, что важной частью научных исследований в этом направлении является научный анализ наследия выпускника императорского Московского университета К.Н. Леонтьева, крупного мыслителя, писателя и публициста, патриота России, участника Крымской войны, дипломата, закончившего свою жизнь монахом Троице-Сергиевской Лавры. Нельзя не отметить, что диссертация И.Ф. Столяровой является одной из первых работ, главную источниковую основу которой составляет недавно завершённое полное собрание сочинений К.Н. Леонтьева в 12 томах, подготовленное и изданное Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) под редакцией В.А. Котельникова. До выхода в свет этого научного издания сочинения Константина Леонтьева представляли собой корпус разношерстных по качеству подготовки к печати первоисточников, не всегда соответствовавших необходимому научному уровню. Источниковая основа диссертации И.Ф. Столяровой представляется в этом отношении наиболее адекватной, кроме того, надо отметить, что автор сформировал в своей диссертации максимально полную библиографическую основу для изучения наследия Леонтьева, включающую основные и многие второстепенные монографии, научные статьи (всего 344 названия!) Некоторые работы второстепенной и «далее-степенной» важности можно было бы сократить, а вот архивные источники хотя бы «для солидности»

можно было бы прибавить. Этот недостаток, отчасти, выкупается тем, что в новейшем собрании сочинений К.Н. Леонтьева в 12 томах, которое является основным собранием первоисточников для диссертации, источниковедение и текстология выполнены на самом высоком уровне и это не могло не повлиять на качество данной квалификационной работы. Кроме того, автор использует лучшую, на наш взгляд, работу последнего времени о К.Н. Леонтьеве, полностью основанную на неопубликованных архивных материалах, которая серьезно продвинула вперед все современное леонтьеведение. Это фундаментальная монография научного сотрудника Пушкинского Дома О.Л. Фетисенко «Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. 783 С.». Что касается зарубежной историографии, то явным недостатком является пропуск работ всемирно известного польского ученого Анджея Валицкого, имя которого даже не упоминается, в отличие от мало известного в Польше и в России автора по фамилии М. Брода. В целом же при составлении библиографии, как отечественной, так и зарубежной, автору следует пожелать на будущее то, что И.А. Ильин называл соблюдением «идеи ранга». Безоценочное простое перечисление названий многих работ не позволяет «отделить зерна от плевел». О.Л. Фетисенко на этот счет справедливо заметила, что в последние годы работ о Леонтьеве появилось такое количество, словно их производство было поставлено на поток. Есть исследования основополагающие, вроде монографии Ю.П. Иваска, но есть и такие работы, в которых «наблюдается бесконечное воспроизведение, по сути дела, одного и того же текста». К счастью, диссертация И.Ф. Столяровой не относится к этой категории. Но все же краткие оценки качественного уровня использованных источников, прежде всего, монографических исследований, как представляется, необходимы. В подходе к библиографии вполне уместно, а в ряде случаев и необходимо (как и в случае с Леонтьевым) использование той практики, которая часто бывает в ходу в зарубежной научной литературе, но редко (к сожалению) – в отечественной. Речь идет об «аннотированной библиографии» (annotated bibliography), которая предполагает не только библиографическую ссылку на тот или иной источник, но и краткую характеристику его качества (а в ряде случаев, если это особо ценный, или спорный источник, то и его краткое научное реферирование). Такая аннотированная библиография помогла бы выяснить, что в действительности «стоит» конкретный источник.

Автор диссертации прекрасно понимает роль и значение исследований в области консерватизма, а также причины, по которым эти исследования заняли столь значительное место в современной гуманитаристике, в общественном сознании и в рамках научной специальности ВАК «История и теория политики», по которой выполнена настоящая диссертационная работа. Одна из причин заключается в том, что работы и персоналии, представляющие русский консерватизм, являются хорошим индикатором национального своеобразия отечественной мысли, чего нельзя сказать о либерализме, который повсюду более или менее одинаков (на что указывал и Леонтьев). Своеобразие идейной платформы леонтьевского

консерватизма состояло в отсутствии связи его сочинений с каким-либо групповым идейно-философским либо политическим интересом, будь это художественные произведения, политико-философские тексты, консульские донесения или эпистолярные послания. Никакого «торизма» (по аналогии с английским консерватизмом), т.е. никакой партийной подкладки в леонтьевском консерватизме не было, да и быть не могло, поскольку легальных политических партий в России XIX века не существовало. Да если бы таковые и существовали, едва ли Леонтьев примкнул бы к какой-либо из них. Для определения характерной специфики леонтьевского консерватизма необходим учет не его доктринального своеобразия, но признание личностной мировоззренческой неповторимости, стилистического своеобразия, - необходимо такое определение, в котором нашла бы свое отражение неординарная жизненная судьба мыслителя. Эти требования, на наш взгляд, успешно реализованы в диссертационном исследовании И.Ф. Столяровой.

По сравнению с имеющимися в научной литературе определениями консерватизма Леонтьева, такими как «эстетическое понимание истории», «эстетика жизни», «разочарованное славянофильство» и др., такая формула как «творческий консерватизм», введенная в диссертации И.Ф. Столяровой, представляется более подходящей. В контексте диссертационного исследования понятие творческого консерватизма определяется как «оригинальная мировоззренческая программа, в основу которой положена задача пробуждения, хранения и приумножения творческого потенциала русского народа», при этом в качестве основ творческого консерватизма выделяются такие философско-политические концепты как «византизм», «триединый процесс развития», «эстетика жизни» и антипод этих понятий – «эгалитарно-либеральный процесс». Сам Леонтьев, если обратиться к его текстам и эпистолярным посланиям, редко пользовался терминами «консерватизм» и «консерватор», они у него заменялись на «охранение» и «охранитель». Свое направление он обозначал как «прогрессивно-охранительное» и даже «реакционно-прогрессивное». О.Л. Фетисенко приводит содержание двух его неопубликованных записок, которые дают весьма колоритное представление о том «творческом консерватизме», который исповедовал Леонтьев. Эти записки показывают, что консерватизм Леонтьева ничего не имел общего с чем-то, похожим на английский торизм, а имел ярко выраженное русское национальное своеобразие. Леонтьев считал, что «охранение существующего» «ненадежно без творчества». Он писал, что «Истинно-русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной, ей нужно быть реакционно-двигающей, т.е. проповедывать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе, как посредством сильной власти и с готовностью на всякие принуждения... На месте стоять нельзя». Последние слова очень точно передают суть творческого консерватизма Леонтьева как консерватизма динамического, а не «стоячего на месте», наподобие английского джентльмена в цилиндре и в старомодном костюме. Здесь важны не столько, так сказать, общие консервативные «декларации о намерениях», сколько практические действия, - то, как эти намерения нацеливались на практику, на применение к жизни. Вот почему определе-

ние «творческий консерватизм» является вполне удовлетворительным, хотя и не представляется последним и окончательным. Тем не менее, данное авторское определение И.Ф. Столяровой является вполне корректным и, что называется, вполне «диссертательным».

Анализу теоретических основ «творческого консерватизма» посвящена первая глава диссертации **«Теоретические основы «творческого консерватизма» К.Н. Леонтьева»**, состоящая из двух параграфов. Первый посвящен раскрытию положительно-ценностного содержания «творческого консерватизма», включающего анализ понятий «эстетики жизни», «византизма» и «триединого процесса развития», Второй параграф раскрывает отрицательно-ценностный смысл понятия «эгалитарно-либеральный прогресс», без понимания которого также невозможно раскрытие содержания леонтьевского творческого консерватизма.

Вторая глава диссертации, имеющая название **«Россия и мир: концепт истинно-национальной политики»** содержит, на наш взгляд, существенно более значительный элемент новизны по сравнению с научным материалом первой главы, где изложены, в общем-то, достаточно известные и неоднократно воспроизведенные в леонтьеведении концепты, без анализа которых, однако, невозможно было бы осуществить квалифицированное освещение содержания творческого консерватизма Леонтьева. Данная глава включает в себя два параграфа, первый посвящен критике Леонтьевым панславизма, а второй – рассмотрению леонтьевского учения о «Славяно-Азиатской цивилизации» и анализу концепции «гептастилизма», содержание которой стало предметом научного анализа лишь в последнее время, после опубликования неизвестных ранее архивных источников.

Весьма интересно проведенное в данной главе сравнительное сопоставление концепции «истинно национальной политики» К.Н. Леонтьева с панславистскими идеями другого видного консерватора – его современника и создателя теории локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского. Автор диссертации исходит из признания принципиальных различий между «политическим националистом» и панславистом Данилевским, с одной стороны, и критиком панславизма и политического национализма Леонтьевым, с другой стороны. На этот счет необходимо высказать замечание. Было бы некорректно представлять двух консерваторов - Данилевского и Леонтьева чуть ли не в качестве политических противников, какими они в действительности не были. Леонтьев хотя и не декларировал специально свое ученичество у Данилевского, тем не менее, высоко ценил его идеи, никогда и нигде не выступал против теории культурно-исторических типов, считая ее «истинным открытием» и «великим шагом на пути русской науки и русского самосознания». Характерным примером отношения Леонтьева к Данилевскому стала также статья, где он защищал Данилевского от критики Вл. Соловьева. Правильно было бы сказать, что как теоретики культуры и цивилизации эти два консерватора развивались параллельными, но отнюдь не противоречивыми путями. Теория локальных цивилизаций Данилевского, подобно цивилизационной концепции Леонтьева, также была открыта к Востоку и отнюдь не замыкалась только рамками славянства. Достаточно указать на то, что Данилевский впервые ввел в науку понятие китайского культурно-исторического

типа, что считается в современном Китае крупным научным открытием. На китайском языке существует большая литература, посвященная теории локальных цивилизаций Данилевского. Так, на философском факультете МГУ была успешно защищена кандидатская диссертация, посвященная анализу китайской историографии данилевсковедения (Ли Хайянь. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03 /– М., 2010). Данилевский вполне признавал позитивную цивилизаторскую роль России на Востоке, при этом же выступал за расширение влияния Российской империи во все стороны, включая и Запад, прежде всего потому, что в этом направлении жило и развивалось милое его сердцу славянство, союз с которым откроет России, как он мечтал, мир будущего. Справедливо и метко критикуя такую «болезнь русской жизни» как «европейничанье» (в этом он был, несомненно, близок к Леонтьеву, который был в этом вопросе его учеником), Данилевский становился подверженным другому греху, его можно назвать «славяничаньем» (в пору «русско-турецкой войны» 1877-1878 гг. этот грех получил в русском обществе название «славянобесия», ему поддался даже такой «совсем не панславист» как В.С. Соловьев, в патриотическом порыве отправившийся на Балканы корреспондентом катковских «Московских ведомостей», предварительно запасшись револьвером). Разумеется, концептуальным политическим панславистом славянский мечтатель Данилевский не был, хотя в «России и Европе» он упоминал имена известных европейских панславистов. Создается впечатление, что автор диссертации придерживается устаревшей точки зрения на генезис панславизма, когда «подтягивает» роль Данилевского чуть ли не до уровня столпа и едва ли фундамента политического панславизма, которым он никогда не был. Панславизм в истории политической мысли Европы продвигался с Запада Европы на Восток, а не наоборот. Современный взгляд на эту проблему изложен в новейшей монографии В.А. Болдина, которая, к сожалению, пропущена И.Ф. Столяровой в библиографии. В.А. Болдин в работе «Панславистские политические концепции. Генезис и эволюция» (М., 2018. 375 С.) конкретным образом показал, что генезис панславизма восходит к австрославизму и югославизму, а в России имела место не инициация панславизма, а лишь его эхо.

Утверждать, что панславизм был основой имперской российской политики, а Данилевский был ее проводником – значит входить в противоречие с классическим тезисом пионера исследования панславизма - А.Н. Пыпина о том, что «Россия вовсе неповинна в панславизме». Но вопреки этой констатации, писал Пыпин, «У европейских публицистов преобладало мнение, что «панславизм» есть стремление славянского мира к объединению под предводительством России и именно так, что быть может, не столько само славянские племена ищут этого объединения, сколько идет к нему сама Россия, которой вообще приписывался тогда характер завоевательного государства, порядочно дикого, но могущественного и грозящего свободой чуть ли не всей Европы». Имперская политика России в отношении панславизма была определена с самого начала ее членством в «Священном Союзе» и заключалась в том, чтобы не потакать каким-либо конкретным панславистским притязаниям, исходившим из территорий европейских империй, заселенных славянами. Текст «России и Европы» не обнаруживает конкретное знакомство

автора с трудами классиков австрославизма (имена Шафарика, Коллара, Штура и др. только называются на страницах книги «Россия и Европа»). Нарисованный Данилевским план Всеславянской федерации обладает всеми характерными признаками прекраснодушной утопии в духе «славяничанья» и никак «не тянет» на уровень политического панславистского проекта. Всё это говорит о том, что Данилевский при всей своей широкой образованности имел мало сведений об этноконфессиональной ситуации в Турции и Австро-Венгрии, что неудивительно, поскольку он никогда не бывал в местах расселения западных и южных славян, на Балканах и на Ближнем Востоке.

Панславистской утопии всеславянского союза не было суждено реализоваться в истории. В отличие от Данилевского это понял Константин Леонтьев, который служил консулом на Балканах и в Средиземноморье и весьма достоверно изобразил поведение балканских славян в местах их расселения в Османской империи – поведение, наполненное духом индивидуализма, глубоко проникшим в славянскую массу и чуждое проявлениям какого-либо соборного единения. Критика Леонтьевым панславизма, основательно разобранный в диссертации, звучит сегодня как сбывшееся во многом прорицание. Так, Леонтьев показал, что со стороны своих братьев по крови славяне нередко испытывали более жесткое давление и вражду, чем со стороны угнетателей иного племени. Об этом говорят такие факты преступной славянской измены как разгром русского православия на Украине, осквернение и разграбление церковей, захват Киево-Печерской лавры, надругательство над памятниками советским воинам, болгарские, польские и чешские поставки оружия и наемников на Украину, которые уничтожают русских солдат и гражданское население в ходе СВО.

Особо следует выделить рассмотрение автором диссертации проекта «Славяно-Азиатской цивилизации». Проект «Славяно-Азиатской цивилизации» был назван Леонтьевым гептастилизмом или эптастилизмом (от греческого “heptastylos” т.е. «семь столбов»). Речь в этом проекте идет о семи столбах будущей славяно-восточной культуры, который охватил бы все сферы жизни, включая религию, политику, право, философию, сферу быта, искусство и экономику. Изложенный блестяще, по-леонтьевски ярко и оригинально, проект этой цивилизации будущего может рассматриваться как один из предъевразийских проектов, получивших развитие в будущем XX столетии, что специально отмечает автор диссертации.

Третья глава диссертации «**Русский народ и идеал российского общества**» включает два параграфа – «Государственные преобразования Александра II» и «Проект будущего устройства России». Творческий, адогматический консерватизм нашел свое характерное воплощение в оценке Леонтьевым эпохи Великих Реформ Александра II. Первоначально Леонтьев приветствовал реформы, особенно реформы земских учреждений, однако со временем в них стали проявляться негативные либеральные тенденции: разорение помещичьих усадеб, искривление нравов, распространение ненавистного «упростительного смещения», ослабление монархических устоев. Последней надеждой на сохранение «цветущей сложности» и защитой от всеобщего распространения буржуазных начал стало для Леонтьева знакомство с тео-

рией социализма, которое произошло при содействии бывшего народовольца Льва Тихомирова, ставшего монархистом. В результате этого знакомства было выработана своеобразная леонтьевская версия консервативной модели российской государственности, основанная на идее соединения монархии и социализма.

В заключение автор диссертации приходит к выводу о том, что целый ряд положений творческого консерватизма, высказанных К.Н. Леонтьевым в позапрошлом столетии, во многом не утратили своего проективного значения для нашего времени. В качестве наиболее актуальных для современности идей Леонтьева И.Ф. Столярова выделяет мысль Леонтьева о духовно-культурной близости православных и мусульманских народов и проблему сохранения национальной культуры в условиях усиливающейся ассимиляции России с Западной Европой. С этими выводами нельзя не согласиться.

Содержащиеся в тексте отзыва замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация И.Ф. Столяровой на тему: «"Творческий консерватизм" К.Н. Леонтьева» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.5.1. – «История и теория политики» (по политическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Столярова Изабелла Феликсовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.1. – «История и теория политики» (по политическим наукам).

Официальный оппонент:

Доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»,
заведующий кафедрой русской философии
философского факультета Московского
государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Маслин Михаил Александрович

2 сентября 2023 г.

Контактные данные:

тел.:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», философский факультет, кафедра русской философии

Тел.: рабочий телефон 7 (495) 939-24-08

e-mail: rf@philos.msu.ru

Подпись доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой русской философии философского факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

удостоверяю: